

Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы соотношения и развития фундаментального и отраслевого юридического знания. Отмечается, что общая теория права, отраслевые и прикладные юридические науки с конца прошлого века в России обнаруживают тенденцию к взаимной замкнутости, автономному существованию, что ведет к формализации юридического знания. Последнее приобретает тривиальный и компилятивный характер. Анализируется процесс изменения роли фундаментальной юридической доктрины в России в связи с общественным переустройством начала XXI в., которое повлекло утрату механизмов идеологического правового заказа. Делается вывод, что фундаментальная часть юридической науки имеет существенную политическую составляющую. Тем не менее показана значительная самостоятельность и внутренняя целостность научного правоведения как формы общественного сознания. Представлены ключевые направления воспроизводства фундаментальных правовых знаний, в том числе векторы поисковых исследований. Делается вывод, что нарастающая неопределенность правовой доктрины России может быть преодолена в общей теории права через разработку новой правовой предметности. Проведен анализ предметного поля юридической науки в ее поисковом аспекте, включая наиболее существенные коллизии в предметах и объектах отраслевых юридических исследований. Делается вывод, что развитие фундаментальных представлений о праве способно оказывать положительное воздействие на структуру социальных отношений.

Ключевые слова: фундаментальное правоведение, юридическая наука, предметы юридических исследований, отраслевая теория права, гражданское право, уголовное право, административное право, юридический процесс, частное и публичное право.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.94.9.019-030

Юридическую науку в структурном отношении условно можно представить в виде фундаментального правоведения (общей теории права), отраслевых и прикладных юридических наук. В широком смысле существует единая теория права, которая вклю-

чает в себя и теорию государства, теорию права и теории отраслевых юридических наук.

Научная юриспруденция вполне соответствует общему разделению науки на фундаментальную, поисковую и прикладную, причем без фундаментальных исследований затруднены

© Синюков В. Н., 2018

* Синюков Владимир Николаевич, доктор юридических наук, проректор по научной работе, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Lab.ktgp@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

поисковые, тем более создание конкретных прикладных форм. В правоведении фундаментальные исследования имеют особую ценность, так как позволяют ориентировать государственное строительство и правотворчество на формирование эффективных институтов правового регулирования и современную структуру законодательства, определять максимально точно место и роль судебной практики в правовой системе. Во всех великих правовых обществах правовое регулирование основано на определенных концептуальных началах — философских, политико-правовых, догматических.

Общетеоретическая и отраслевая юриспруденция тесно взаимосвязаны, и не только в доктрине, но и на практике, где их вообще трудно разделить. И тем не менее мы это делаем, что представляет собой естественную структуру движения познания от частных вопросов к общим и абстрактным, от них опять к конкретным и частным (метод восхождения от абстрактного к конкретному).

Естественное соотношение общих и частных вопросов сопровождает любой процесс познания и деятельности. Известная отдельность, автономность общей теории и одновременно ее глубокая взаимосвязанность, взаимообусловленность с отраслевыми исследованиями права и прикладными разработками в последние десятилетия у нас в определенной мере нарушились. Общая теория, отраслевые науки и прикладные исследования обнаружили тенденцию к взаимной замкнутости, автономному существованию, даже известному отчуждению. Это очень драматичное для каждой из этих составляющих единого юридического знания обстоятельство.

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В РОССИИ

Качественная новизна ситуации, обусловленная процессами крупных изменений в общественных отношениях, в социальных и «материальных» технологиях, привела к сокращению общетеоретического ресурса в правовых реформах. Следует подчеркнуть — именно теоретического.

В России ощущается острый дефицит правовых идей, новых регулятивных практик, эффективных правовых технологий в бизнесе, медицине, социальной сфере, в борьбе с преступностью.

Ввиду разъединения составных частей единого юридического знания последнее все более приобретает тривиальный и компилятивный характер. В диссертациях нередко превалирует формальная новизна и так называемый «авторский подход».

Такое положение в итоге ведет к снижению уровня юридического научного познания в целом. Не случайно к юристам, в том числе ученым-юристам, власть и общество далеко не всегда прислушиваются. Рекомендации юристов подчас формальны и схоластичны, они не дают понимания происходящего.

В последние 30 лет произошли серьезные изменения в правовом регулировании, в строительстве ключевых государственно-правовых институтов. Эти изменения далеко не всегда были инициированы доктриной, что не является необычным для хода общественного развития.

Если суммировать общий смысл перемен в статусе фундаментальной юридической науки в России, можно отметить следующее. Фундаментальное правоведение в России столкнулось с радикальным изменением своей роли, которая в дореволюционный и советский периоды состояла в выработке правовой доктрины страны (особенно в советский период). Фундаментальное правоведение пока не нашло своего места в новой политико-правовой системе. Эта система с начала 90-х гг. XX в. исключила из себя механизмы идеологического правового заказа, посчитав, что все принципиальные вопросы права, государства, правопорядка в России уже политически решены и определены в законодательстве.

К сожалению (или счастью), это далеко не так. Многие принципиальные вопросы, даже имеющие законодательные решения, до сих пор не имеют концептуальной правовой проработки. Отсюда непрерывный пореформенный дрейф самого законодательства и административные «шараханья» юридической практики. Одновременно наблюдается предметная неопределенность в работе ведущих, в том числе

академических, научных центров, которые пребывают в состоянии непрерывного поиска оплачиваемых заказов, причем последние далеко не всегда связаны с решением фундаментальных проблем науки и практики.

Отечественная доктрина права нуждается в большем внимании государства и общества. Правовая доктрина в СССР была частью реального правопорядка страны, фактическим источником отечественного права. В этом симбиозе состояла неразрывная связь юридической науки и практики правового регулирования. Но уже в позднем СССР система связи науки и практики стала разлагаться. Например, институт президента у нас впервые появился как институт президента СССР (III съезд народных депутатов СССР в 1989 г.), который был введен как довольно неожиданное для юристов (и страны) политическое решение в попытках консолидации союзной государственности. В теории права и в теории государственного, конституционного права на тот период этот вопрос даже не обсуждался. Президентура как элемент политической системы США была рецептирована многими странами, но нигде не получила такой органичной реализации, как в стране-доноре. Вопросы инкорпорации этого института в политическую систему России до сих пор не во всем очевидны и нуждаются в углубленных доктринальных исследованиях¹.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

Характер развития фундаментальной части юридической науки показывает существенную политическую составляющую в постановках проблем права и правового регулирования. Это особенно заметно на ключевых этапах отечественной государственности: теория «Москва — третий Рим» была инициирована государственной властью (фактически это ее заказ); петровские реформы стали источником развития самой юридической науки по европейскому типу;

советская юридическая теория определялась марксистской политической доктриной. Аналогичные процессы в общей теории права и отраслевых юридических науках под влиянием политического и экономического либерализма развернулись в 1980—2000-е гг.

Тем не менее отечественное научное правоведение как форма общественного сознания всегда сохраняло и сохраняет внутреннюю целостность и самостоятельность. На любом этапе, даже советском, юридическую науку в силу самой ее природы (как математику) невозможно свести к какой-то однозначной политической позиции.

К исходу XX в. Россия имела достаточно развитую и целостную доктрину права. Это позволило теоретически и практически обеспечить масштабную реформу законодательства за последние 25 лет, включая разработку конституции и конституционного законодательства; обоснование и введение новых институтов государства и правового регулирования; достаточно высокий уровень подготовки юристов в крупных юридических научных центрах страны.

Однако к началу XXI в. под влиянием взрывного характера технологического прогресса, глубоких изменений в структуре мировой экономики прежняя теоретическая основа стала во многом истончаться. Главной проблемой здесь является то, что положения дореволюционной, советской и даже уже постсоветской юридической доктрины далеко не всегда адекватны новым общественным отношениям. Для создания современных институтов необходимо непрерывное воспроизводство фундаментальных правовых знаний, особенно в базовых отраслях права. Но это воспроизводство оказалось проблематичным именно в аспекте непрерывного поддержания связки общетеоретических и поисковых юридических исследований. Необходимо вернуться к осознанию самостоятельной и практически высокосignимой роли фундаментальной правовой доктрины в России как исключительно важного фактора развития ее государственности и правопорядка.

¹ См.: Кутафин О. Е. Глава государства : монография. М. : Проспект, 2013. 560 с.

ЗАМЕЩЕНИЕ ТЕОРИИ СИТУАТИВНЫМИ СУРРОГАТАМИ

Дефицит теории негативным образом отражается на состоянии российского законодательства и правореализации. Не случайно недостаток идей порождает широкую практику зарубежных и собственных ретроспективных заимствований. Рецепция до известной степени восполняет лакуны в отечественной правовой идеологии и догме, обогащает нашу доктрину и правовой язык. Но мы стали слишком этим увлекаться, превысили меру и все чаще попадаем впросак в правоприменении.

Пример из общей теории права. Во всех учебниках написано, что центральной категорией правового регулирования является механизм правового регулирования: нормы права — правоотношения — акты реализации прав и обязанностей (индивидуальные акты и юридические поступки)². Механизм действия права следующий: законодатель устанавливает норму, на основе которой возникают правоотношения, в форме которых происходит индивидуальное регулирование и реализуется соответствующее поведение субъектов³.

Такая конструкция правового регулирования уже не может считаться исчерпывающей и объясняющей образ действия права. Мы видим значительный рост количества нормативных правовых актов, в целом нормативности, который не находит выхода в правовых отношениях. Сами правовые отношения изменили свои симметричные элементы (субъективные права и юридические обязанности) в пользу явлений нежесткого коммуникационного характера, имеющих на выходе эффекты, на которые законодатель и не рассчитывал. Отмечается нарастание проблем в правореализации, в том числе в правоприменении, и система правового мониторинга это не фиксирует. На выходе далеко не всегда получается намеченный законодателем результат.

Советская теория механизма правового регулирования по разным причинам не получила

достаточного развития в современных условиях. Поэтому исполнительная власть вынуждена была импортировать малознакомый в России институт оценки регулирующего воздействия, который хорошо разработан и применяется за рубежом. Этот институт был внедрен в практику Минэкономки и деятельность региональных властей. Однако отсутствие адекватности в учете особенностей правового регулирования в России показало его низкую эффективность и сводит к минимуму эффект от затрат по внедрению этой системы.

ПРЕДМЕТЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Нарастающая неопределенность правовой доктрины в России может быть преодолена в общей теории права через разработку новой правовой предметности, создание современного исследовательского поля в новых сферах общественных отношений. Нашим политическим переменам уже более 30 лет, и в фундаментальной юридической науке происходит осознание векторов нового этапа развития.

Прежде всего это правовое измерение новой ситуации на международной арене. Новые позиции России, ставшие реальностью с переходом страны к активной роли в строительстве международных отношений, требуют актуализации задач формирования целостной правовой доктрины международного правопорядка — не только для России, но и для широкой демократической альтернативы однополярному миру.

Темой современной философии и теории права продолжает оставаться теория понимания. Данная проблематика — ценный источник развития правовой методологии. Новейшие доктрины скорее представляют собой повторение либо уже известной аргументации, либо дискуссии вокруг теорий интегративного, коммуникативного и вообще постмодернистского права. В работе с источниками современ-

² См., например: Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2011. С. 166—167.

³ См.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966.

ных мировых подходов к праву есть стимул для развития и обогащения отечественной правовой мысли, за которым неизбежно следует структуризация нового понимания права⁴.

Многие теоретические идеи и конструкции, созданные в советский период отечественной доктриной, оказались без преемственного продолжения исследований. Перечень таких тем обширен.

Например, категория правопорядка⁵.

Что мы знаем о нашем правопорядке? Ведутся ли исследования на уровне целостной организации правообразования и правореализации в России? Позволительно утверждать, что мы не видим в настоящее время систему правоотношений на макроуровне, что дает по-настоящему новое качество, синергетические эффекты. Даже в общей теории права такого рода предметы исследуются в аспектах отдельных институтов и органов. Между тем категория российского правопорядка практически выпала из предметного поля юридических исследований.

Темой правовой системы академический институт государства и права занимался в конце прошлого века. Современная типология правовых систем, в целом современная западная компаративистика демонстрируют заметную политизацию. Европейская и англо-американская правовая доктрины вырабатывают свои собственные стандарты, во многом новую, продвигающую собственные ценности социальную идеологию и институты, которые затем экспортируются через международные документы и международную судебную практику.

На этом фоне мы все больше начинаем понимать, что задача так называемой европеизации российского права лишь составная часть более широкой для нас темы — определения правовой и культурной идентичности не только России, но и целой системы государств и народов, ставящих цели самостоятельного развития и разделяющих общие ценности.

Сейчас становится очевидным, что наше правовое пространство далеко не однородное не только в геополитическом, экономическом смыслах, но и в правовом. Оно и европейское, восточноевропейское и евро-азиатское. Поэтому первоначальные оценки и задачи 90-х гг. прошлого века по так называемому вхождению России в романо-германскую правовую семью большей частью устарели. Необходимы исследования глобальной правовой систематики и места России на геоправовом пространстве; возможно, новая типология правовых систем, отражающая реальные интеграционные процессы с участием России.

Как идентифицировать отечественный правовой мир на новых, адекватных ему принципах? Эта масштабная и практически значимая тема не стала еще в полном смысле предметом общетеоретических исследований.

При наличии замечательных общетеоретических работ советского периода в современной России не сложилось преемственной общетеоретической традиции исследования вопросов применения права, да и вообще правореализации⁶.

В России пока нет современной теории правоприменения. В отраслевой литературе споры уходят в основном в структурные вопросы кодификации гражданского и административного процессуального законодательства, моделей уголовного процесса, что само по себе важно, но не охватывает всей проблематики процессуально-процедурной правореализации.

Между тем в 2/3 случаев требуется специальная государственная деятельность по реализации права. Наша доктрина перекошена в сторону формального правообразования. Недостаточен авторитет судебной власти, правоохранительной системы, слабы и неадекватны процедуры правоприменения, доказывания, даже толкования, и все это взаимосвязано.

⁴ См.: Графский В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 21.

⁵ См.: Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследований // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 6—15.

⁶ См.: Правоприменение как искусство и наука : материалы десятих философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В. Г. Графский. М. : Норма, 2016. 176 с.

Так, российская теория толкования права окаменела на уровне советского периода; до сих пор нет достаточно приемлемой теории юридической (судебной) аргументации. Необходимо современная методология процессуального доказывания. Есть необходимый потенциал в отраслевых и специальных науках — уголовном и гражданском процессах, криминалистике, теории судебной экспертизы, судебной идентификации, логике, судебной психологии, который нуждается в осмыслении на уровне общей теории права и управления.

Требуются сквозные критерии тождества для создания баз данных применения информационных технологий взаимосвязанного характера для уголовной, гражданской, административной юстиции, судебной статистики, таможенной, банковской, управленческой деятельности. Имеется реальная возможность создания современной и более высокой, чем за рубежом, доктрины правореализации на основе значительных методологических заделов специальных и отраслевых юридических наук.

От прогресса именно этой работы будет зависеть выстраивание эффективных юрисдикционных структур в сферах гражданской, арбитражной, административной и уголовной юстиции, а не наоборот. Противоположная организация ведет к консервации проблем: реформа полиции не дала пока ожидаемых результатов; оптимизация следствия и дознания находится в стадии перманентного обсуждения; концептуально не прояснен статус прокурорского надзора, судебная власть находится в состоянии неопределенности и незавершенности своей организации.

Переживают определенную стагнацию социологические исследования в праве. Социальная патология, преступность практически перестали быть предметом фундаментального правоведения и перешли в основном в криминологический режим исследования. Криминология же без фундаментальных исследований поведения человека, без теории и социологии права переживает кризис. Поэтому наша уголовно-правовая политика лишена системности и концептуальности.

Нуждаются в новом осмыслении классические постановки субъектности в праве. Самые

впечатляющие прорывы последних 50 лет связаны с представлениями о человеке, его сознании. Наука обогатилась представлениями о природе человеческого сознания, о новых состояниях психики, в том числе связанных с активным освоением виртуального мира, но наша правовая доктрина человека, индивида, субъекта застыла на уровне классических воззрений XIX в.

Теории правонарушения, вины в целом характеризуются воспроизводством классических доктрин в их отраслевой специфике. Открыть новые методологические возможности для продвижения отраслевой доктрины — функция общей теории права.

Уже недостаточны прежние постановки в теории правосознания. С учетом новых явлений в социальном поведении, исследований в социальной и когнитивной психологии возможны новые предметы в теории правового поведения, в структуре обыденного правосознания — основе массовой правовой культуры. Нуждается в изучении религиозное сознание как источник психологических и культурных реакций в сфере права; необходимо исследование религиозных основ отечественной правовой традиции.

Теория правовой культуры во многом осталась на этапе исследований социалистической правовой культуры. Новых методологических категорий здесь не добавилось. В условиях глобального взаимопроникновения культур, появления разностороннего культурного авангарда, в том числе и в праве, неупорядоченного роста рецепции как формы правообразования в России, поиска Россией своей правовой идентичности в теории права нет такого предмета, как национальная правовая культура и русская правовая традиция.

Особого внимания требует и такая сфера представлений об отечественном праве, как система права. Взгляд на системность в праве складывался с конца XIX и в течение всего XX в., что нашло выражение в идее системности правового регулирования. Появились понятия структуры права, системы отраслей права и законодательства. В советское время были разработаны теории предмета и метода правового регулирования. Во второй половине XIX в.

появилось понятие правовой системы и сравнительный анализ правовых систем.

Как ни странно, но эта мощная методология все меньше и меньше устраивает практически. Представления о структуре права, правовом воздействии, господствующие в литературе, далеко не во всем отражают реальные процессы в правовом регулировании. Они основаны на системной методологии — господствующей социологической доктрине XX в., принципы которой заимствованы из биологии, языкознания, главным образом естественных наук и основаны на принципе изоморфизма, то есть тождества организационных структур, какой бы природы они ни были — естественной или социальной (А. Богданов, Л. фон Берталанфи).

На основе данной методологии в течение всего XX в. развивались позитивистские технологии рационального творческого права в целях достижения социального правового равновесия, проведения государственной правовой политики. Особенно это проявилось в практике советского права — с системной точки зрения наиболее эффективной в мире практике юридических инноваций. Но эта эффективность дала как положительные, так и отрицательные социальные результаты, заменив право этатистским правовым администрированием экономики и социальной сферы. Сейчас мы находимся в замкнутом круге все более расширяющихся масштабов законотворчества и его политической технологизации.

Смысл переоценки здесь состоит в следующем: необходим современный ренессанс собственно правового регулирования, на основе собственных закономерностей права. Для этого надо вернуться к вопросу о закономерном строении права как самостоятельного социального института.

Как целостный общественный институт право характеризуется обособленностью, статичностью, асимметричностью своих элементов, в значительной мере асистемностью своей социальной природы.

Система права в традиционном понимании в современном правовом регулировании демонстрирует условность границ своих элементов. Между базовыми отраслями практически

нет закономерных линий разграничения и последние суть результаты политики систематизации.

Не случайно серьезной проблемой российского правового регулирования является нарастание структурных дисбалансов в законодательстве и правоприменении. Системные закономерности как таковые, конечно, нельзя отрицать, но природа системности в праве иная, чем в живой природе и менеджменте организаций. По крайней мере, она имеет существенную специфику. Общетеоретическая юриспруденция, не ставя такого рода вопросов, неизбежно утрачивает влияние на решение возникающих проблем правотворчества и правоприменения, в целом на мировоззрение юристов.

ОТРАСЛЕВАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

Состояние фундаментального правоведения не может не сказаться на теории отраслевых юридических наук. Характерной особенностью отраслевой доктрины в современной России является ее догматизация, замыкание на частных технико-нормативных вопросах, отсутствие должной концептуальности, отрыв от общего правового и социального контекста.

В базовых отраслях накопилась критическая масса вопросов, разрешение которых возможно только на междисциплинарном, общетеоретическом уровне. Часть этих вопросов стала результатом, по сути, изолированного, схоластического развития отраслей законодательства.

Развитие базовых отраслей гражданского, административного, финансового, трудового, уголовного права и законодательства ощутимо корректирует представления отраслевых правовых доктрин. Эти отрасли права и законодательства находятся в мощном силовом поле противоречивых процессов дифференциации и консолидации, осложненных влиянием экономической политики и непрерывным пореформенным притяжением институтов континентальной (европейской) и англо-американской правовых традиций. В настоящее время ощущается острая потребность в направлении концептуальной гармонизации базовых отраслей

законодательства, которые, по сути, ведут себя крайне неадекватно своей прежней советской природе и отрицают классические представления о разнопредметности правового регулирования. Известные представления о структуре права на основе предмета и метода правового регулирования в современном российском праве корректируются практикой законотворчества, диктующей задачи переосмысления сложившихся институтов законодательства. В результате структура базовых отраслей характеризуется значительной гибкостью.

Усилия по консолидации законодательства наталкиваются на неэффективность итоговых крупных кодификаций, невозможность рассматривать их в качестве стабильных органических законов долгосрочного действия. Границы элементов системы базовых отраслей законодательства, призванной подчеркивать симметричность и структурированность правовой организации, в практическом плане весьма условны. Фактически мы видим, что между базовыми отраслями почти нет закономерных, раз и навсегда данных линий разграничения. Необходим анализ содержания новаций в базовых отраслях законодательства под углом зрения его влияния на структурные и социальные последствия действия российского права.

Структурная проблема российского законодательства — соотношение уголовного и административного материального права и судопроизводства. В последние годы в штрафных отраслях происходит постоянное движение норм. Поток многочисленных изменений нарушил стабильность базовых кодификаций — УК и КоАП, в последнем ужесточаются санкции. Юридическая природа этого движения далеко не всегда обоснована. Административные санкции могут быть жестче уголовных. КоАП делается квазиуголовным правом, выделенным в автономную сферу по сугубо кодификационным и структурным причинам. Законодательство об административной ответственности, по сути, превращается в несистемное продолжение криминализации. Можно говорить об админи-

стративной судимости, которая все более используется в определении социального статуса человека.

Отечественное законодательство об административной ответственности по принципам и институтам все более копирует УК и УПК. Однако административная ответственность в российской правовой традиции не является структурным элементом уголовной репрессии. Имеется ли общетеоретический взгляд на введение в уголовное законодательство института уголовного проступка? Преступления и проступки — фундаментальное разделение нашего права на основе критерия общественной опасности.

В целом вопросы юридической ответственности нуждаются в теоретической разработке. Институт юридической ответственности в действующем правовом регулировании часто некорректно копируется в разных видах и формах.

Еще одна коренная проблема отечественного права — сбалансированность гражданско-правового регулирования.

Следует отметить, что регулярные попытки утвердить симметричность и системность гражданского законодательства (попытки монополизации гражданским правом общественных отношений) натолкнулись на иные правовые закономерности. Весомой проблемой ГК РФ считается, как известно, невыполнение им систематизирующей роли центра правового регулирования экономической и частноправовой жизни, так как важнейшие вопросы этой сферы по-прежнему решаются в рамках налогового, валютного, таможенного, земельного и иного законодательства. Эффективность гражданско-правового регулирования во многом зависит от его взаимодействия в рамках правовой системы⁷.

На правительственном уровне заметно концептуальное движение в сторону консолидации регулирования (последняя реформа ГК включила в предмет гражданско-правового регулирования корпоративное и вещное право). Однако сомнения в правильности отраслевого доктринального подхода остаются.

⁷ См.: Яковлев В. Ф. Проблемы частного права в современных условиях // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 9.

Можно предположить, что асимметрия законодательства в сфере гражданско-правового регулирования (и не только) — закономерность нашей правовой культуры, которая не является калькой с романской и тем более германской правовой системы. Российское право целостно не в разделении частей, а в сплочении методов и уровней регулирования. Стремление к культу догматических памятников, неестественно растяжимых по всей предметной области социальных статусов, не дает точного выражения юридической природы для огромного массива правоотношений.

Российское законодательство не может быть системой одномерных кодексов и иных органических законов, не нарушая сложного рельефа социальных связей в стране, олицетворяющей удивительную полноту и разнообразие укладов, традиций, региональных и национальных специфик. Иначе право (и гражданское право) будет чистой отвлеченностью от смысла своих предметов, что мы и имеем сейчас в образе действия и социальных последствиях ГК РФ 1994 г.

Российское право не исчерпывается структурно-функциональными связями односторонних правовых систематизаций. Право по своей сущности опосредуется народом, его реальным хозяйственным и социальным бытом. Ни самое глубокое латинство в романской своей природе, ни германство, протестантские абсолютизации которого в праве мы видим в англо-американской доктрине, не могут быть методологическими ориентирами для структуризации российского права. В них — лишь частные отражения природы права, которое нуждается в освобождении от ограничений формы, сковывающих его полноту. Необходим поиск оптимальных характеристик правовой индивидуальности законодательных источников российского права.

Пореформенный период развития отраслевой теории гражданского права показал, что отечественная цивилистика характеризуется преимущественно частноправовым конструктивизмом с недостатком внимания к сути регулируемых отношений, в том числе в контексте всей правовой системы. Из ее поля выпадают целые пласты общественных отношений: но-

вые виды причинения вреда, в том числе жизни и здоровью, охрана прав потребителей, вопросы жилищных, земельных отношений и многие другие, которые в условиях имущественного расслоения населения выглядят совершенно неоднозначно с позиции классической доктрины римского права. В настоящее время необходима адекватная России концепция регулирования имущественных отношений, общая теория гражданского права и включение этого предмета в сферу фундаментального правоведения.

Классическая отрасль отечественного права и важный элемент обеспечения правопорядка — уголовное право. Уголовно-правовой блок играет существенную роль в сфере гармонизации публичных и частных интересов. Между тем в условиях отраслевизации уголовно-правовой доктрины в этой сфере законодательства происходят изменения, которые значительно снижают его эффективность. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда уголовно-правовое регулирование не имеет четкого законодательного предмета и испытывает затруднения в определении режимов правового регулирования. Многочисленные отраслевые дискуссии на эту тему идут в основном вокруг уголовно-правовой политики в целом, законодательной техники и догматической критики законодателя. Однако проблемы развития уголовно-правовой доктрины, скорее всего, гораздо шире. Это сам предмет уголовного права. Предмет уголовного права общество и законодатель по-настоящему не всегда представляют, так как он определен формальными рамками УК.

Между тем в структурном отношении уголовное право — центральный элемент всей конструкции системы права, и прежде всего оно объективно сопряжено с гражданским, административным правом, системами судостроительства и судопроизводства, в целом строением уголовной и гражданской юстиции. Стабильность уголовного закона обеспечивается гораздо большей системой факторов, и это — объекты фундаментального правоведения. По большому счету теория уголовного права, как и других базовых отраслей, не имеет абсолютной границы с общей теорией права. Общая теория является составной частью уго-

ловно-правовой доктрины, как и уголовно-правовые концепции преступления, уголовной ответственности и наказания, вины, субъекта и т.д. являются элементами всеобщего взгляда на право. Конечно, понятия правонарушения, субъекта, правоотношения и иные правовые явления имеют отраслевую специфику, но эта специфика образует единый взаимосвязанный комплекс знаний о праве, в котором невозможно продвигаться сепаратно.

В юридической науке все ученые — теоретики права. К сожалению, в последнее время обнаружилась некая ведомственность в науке, когда так называемые теоретики ограничили свой кругозор определенными вопросами, например правопонимания, и считают излишним профессионально изучать то, что происходит в отраслях и прикладных сферах права. Наоборот, так называемые отраслевые разработки подчас за конкретными предметами упускают контекст — правовую систему общества.

Происходят активные структурные изменения в процессуальном праве. Важная закономерность: искомая социально-правовая тождественность национального права формируется в сфере не столько материального, сколько процессуального права. Недостаточно эффективные нормы материального права могут быть адаптированы социально адекватным правоприменением. Пореформенный опыт показывает, что хороший сам по себе закон часто наталкивается на юстиционную неспособность довести его до реальной жизни.

В настоящее время мы видим развитие процессуальной формы: гражданской, арбитражной, административной, уголовной, а также судостроительной и несудебной. Однако и здесь отраслевые доктрины соревнуются в отстаивании своих предметов. Противоречивые процессы консолидации и дифференциации процессуального законодательства должны сопровождаться разработкой комплексной доктрины по оптимизации юридических процессов.

Такая доктрина, вероятно, должна исходить из представлений о процессе как части матери-

ально-правового регулирования. Автономизация процессуального права, фактическое появление в России элементов судебного права противоречит закономерному для отечественной правовой традиции единству материального и процессуального права, целостность которого не может быть сведена к приоритету какой-либо его части.

В 80-е годы прошлого века в России разрабатывалась общая теория юридического процесса под руководством профессора В.М. Горшенева, в рамках которой были высказаны интересные мысли о единстве процессуально-процедурной формы регулирования общественных отношений⁸. К сожалению, эта тема выпала из предметного поля общей теории права. Исследования в этой сфере чрезвычайно актуальны.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ЧАСТНО-ПУБЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В течение пореформенного периода последних 20 лет не удается найти адекватной концепции публично-правовых отношений. Мы поддались частноправовой эйфории и стали весьма некультурно обращаться в законодательстве с частнопровыми институтами, нередко гипертрофируя их. Результат не замедлил сказаться — от лесных пожаров до падения спутников.

Необходимы глубокие проработки соотношения частных и публичных начал в нашем праве и законодательстве. Здесь нужны усилия общей и отраслевой науки. К сожалению, реформа ГК РФ продолжается на прежних принципах: изолированности частного права и отсутствия внятных представлений о мере публичности в частнопровых отношениях.

Произошел известный упадок публично-правовой сферы, особенно в области коллективных образований. Общественные институты во многом утратили регулятивный ресурс, общественная инициатива в правотворчестве, в госуправлении, в общественном контроле, в местном самоуправлении переживает кризис.

⁸ См.: Теория юридического процесса : монография / под общ. ред. проф. В. М. Горшенева. Харьков : Вища школа, 1985. 192 с.

Публично-правовая доктрина разобщена на отраслевые «квартиры»: теория конституционализма не избежала отраслевой замкнутости; административная доктрина развивается в основном за счет вопросов административной ответственности и административного судопроизводства; теория госуправления постепенно переходит в сферу экономики, информатики и политологии; уголовное право, уголовный процесс развиваются на уровне изолированных отраслевых институтов.

ВЫВОДЫ

От успешного развития современной теории права во многом зависит способность общества к гармонизации всего нормативного комплекса отношений — экономических, по-

литических, социальных. Новые фундаментальные представления о праве способны стимулировать инновационность в экономике и политике. Угроза благополучию общества лежит в концептуальной неопределенности частно-публичных отношений, в крене к голому этатизму, с одной стороны, а с другой — к не менее голому частному интересу, которые фактически противопоставлены в отдельных сферах законодательства.

Необходимо устранять незримые барьеры, возникающие в общетеоретических и отраслевых исследованиях, преодолевать ведомственность в юридической науке. Без лидерства в сфере юридической доктрины, без установления современных стандартов прав человека, социальной защиты, предпринимательской, трудовой, экономической деятельности социальный прогресс общества невозможен.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. — М. : Юрид. лит., 1966.
2. Графский В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции // Журнал российского права. — 2017. — № 7. — С. 21.
3. Кутафин О. Е. Глава государства : монография. — М. : Проспект, 2013. — 560 с.
4. Правоприменение как искусство и наука : материалы десятых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред. и сост. В. Г. Графский. — М. : Норма, 2016. — 176 с.
5. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма: Инфра-М, 2011.
6. Теория юридического процесса : монография / под общ. ред. проф. В. М. Горшенева. — Харьков : Вища школа, 1985. — 192 с.
7. Черногор Н. Н., Пашенцев Д. А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследований // Журнал российского права. — 2017. — № 8. — С. 6—15.
8. Яковлев В. Ф. Проблемы частного права в современных условиях // Журнал российского права. — 2016. — № 1. — С. 9.

Материал поступил в редакцию 15 февраля 2018 г.

GENERAL THEORY OF LAW AND THE DEVELOPMENT OF BRANCH LEGAL SCIENCES

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Doctor of Law, Vice-Rector for Scientific Work, Professor of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Lab.ktgp@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article is devoted to the issues of interrelations between and development of fundamental and branch legal knowledge. It is noted that in Russia, since the end of the last century, the general theory of law, branch and applied legal sciences have demonstrated a tendency towards mutual isolation and autonomous existence, which leads to the formalization of legal knowledge. The latter acquires a trivial and compilative nature. The author analyzes the process of changing the role of the fundamental legal doctrine in Russia due to the social reorganization in the beginning of the 21st century that resulted in the loss of mechanisms of an ideological legal order. It is concluded that the fundamental part of the legal science involves an essential politicized element. Nevertheless, considerable autonomy and internal integrity of scientific jurisprudence is described as a form of social consciousness. The author represents the key directions of reproduction of fundamental legal knowledge, including vectors of research studies. It is concluded that the growing uncertainty of the Russian legal doctrine can be overcome in the general theory of law by means of development of a new legal subject matter. The paper provides for the thorough analysis of the subject matter of the legal science in its research capacity, including the most significant collisions with respect to the subject matters and relations examined within the scope of the branch legal research. It is concluded that the development of fundamental ideas concerning law can have a positive impact on the structure of social relations.*

Keywords: *fundamental jurisprudence, legal science, subject matters of legal research, branch theory of law, civil law, criminal law, administrative law, legal process, private and public law.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskoy gosudarstve. — M. : Yuridicheskaya literatura, 1966.
2. Grafskiy V. G. O nepreodolennykh trudnostyakh v sozdaniy integral'noy yurisprudentsii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2017. — № 7. — S. 21.
3. Kutafin O. E. Glava gosudarstva : monografiya. — M. : Prospekt, 2013. — 560 s.
4. Pravoprimeneniye kak iskusstvo i nauka : materialy desyatykh filosofsko-pravovykh chteniy pamyati akademika V. S. Nersesyantsa / otv. red. i sost. V. G. Grafskiy. — M. : Norma, 2016. — 176 s.
5. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnyk / otv. red. V. D. Perevalov. — 4-e izd., pererab. i dop. — M. : Norma: Infra-M, 2011.
6. Teoriya yuridicheskogo protsessa : monografiya / pod obshch. red. prof. V. M. Gorsheneva. — Khar'kov : Vishcha shkola, 1985. — 192 s.
7. Chernogor N. N., Pashentsev D. A. Pravovoy poryadok: doktrinal'nye podkhody, metody i aktual'nye napravleniya issledovaniy // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2017. — № 8. — S. 6—15.
8. Yakovlev V. F. Problemy chastnogo prava v sovremennykh usloviyakh // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2016. — № 1. — S. 9.